

Александр Бондарев
(Москва)

**«ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИАЛОГЕ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР**

«*Пр*омежуточное положение» – герменевтический термин, локализирующий продуктивную позицию наблюдателя – участника исторической смены культурной парадигмы. Его ценностная позиция выступает условием порождения высказывания (utterance), реагирующего на сюжетобразующее взаимодействие традиции и новаторства.

Высказывание понимается нами как широкий спектр вербальных и невербальных реакций – от молчания («значимого отсутствия») до романа-эпопеи толстовского типа: «Из промежуточного положения, в которое поставлена герменевтика, следует, что ее задача заключается вообще не в том, чтобы разработать метод понимания, но в том, чтобы прояснить те условия, при которых понимание совершается» [3, с. 350].

Условием аналитико-синтетического понимания является хроно-топ гротескного перехода, пробуждающий активный познавательный интерес наблюдателя. Этимология слова «интерес», согласно словарному значению латинского глагола *inter-esse* – «находиться между, посередине, различаться, отличаться» восходит к Античности, осознавшей когнитивные возможности внеаходимости. Промежуточное положение позволяет сознанию дистанцироваться от всех преходящих форм социально-экономического принуждения в интересах подлинного бытия, занимающего топографическое положение между языком

и речью в системе культуры, монологом и диалогом, переводом и интерпретацией, мифологией и историей, архетипами Эдипа и Ореста, традицией и новаторством. Высказывание обретает статус способного к ответу (*answerable*) поступка, если «отправитель» осознает трансгрессиентность своей позиции между актуальной проблематикой «человеческого существования» (Б. Паскаль) и традицией ее исторических истолкований. В масштабе человеческой жизни такое осознание квалифицируется как «пиковое переживание» (А. Маслоу); в масштабе национальной культуры — как «золотой век».

1. Язык и речь в системе культуры. Ответственность высказывания определяется его посредническим положением между языком и речью. Высказывание как часть строится по законам целого, где целое — язык, а часть — речь. Так мыслил дихотомию языка и речи основатель структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр [5, с. 57]. Понимание высказывания обеспечивается выявлением генерирующей его смысл взаимообусловленности целого и части: «Целое должно быть понято в терминах его индивидуальных частей, индивидуальные части — в терминах целого, — пишет Вильгельм Дильтей. — Понимание целого и его частей является взаимозависимым» [7, с. 262].

Новаторское произведение как высказывание, построенное по законам семиотической системы культуры, занимает положение, определяемое взаимодействием интра- и интертекстуальных соотношений. Внутритекстовые связи (*in praesentia*) образуют композицию произведения. Межтекстовые связи (*in absentia*) — его архитектурную форму. В результате описанной Т. С. Элиотом [6, с. 160] интерполяции новаторского произведения в литературную систему меняется архитектура и этой системы, и интегрированного в нее произведения. Корреляции между произведениями образуют сеть соотношений, отсылающих к законам функционирования системы культуры.

2. Монолог и диалог. Проанализировав ситуации межкультурной коммуникации, Мартин Бубер выделил три типа диалога: подлинный, технический и диалогический по форме, но монологический по содержанию [2, с. 140]. *Диалогическая активность* восприятия предполагает наличие единого для двух собеседников смыслового пространства, «общей части» — места пересечения их тезаурусных полей [4, с. 93—100]. Отсутствие общей части — сегмента, образуемого пересечением двух окружностей, является условием невозможности диалога. Полное совпадение радиусов концентрических окружностей делает диалог ненужным. Зато наличие общей части обеспечивает условие расширяющего общего тезаурусное пространство *подлинного* диалога, в ходе которого анаक्रиза — провоцирующая активность вопроса, проб-

лематизирует синкретическую модель сознания отправителя. Переработка полученной информации деконструирует исходную гносеологическую модель сознания. В свою очередь, скорректированный вопросом ответ запускает механизм когнитивной восприимчивости получателя. Такова последовательность динамичного, «незавершенного» и «незавершимого», диалога *личностей*, способных на равных обсуждать «последние вопросы» благодаря поэтапному расширению знаний как о внутренней диалектике явления, так и о сделанных по существу его содержания высказываний.

3. Перевод и интерпретация. Место переводчика определяется его промежуточным положением между отправителем и получателем. Модель двустороннего перевода, включающая этапы перехода от исходного языка (ИЯ) к языку перевода (ПЯ) и обратно, воспроизводит этапы познавательного диалога: вживания и объективации с последующим диалогическим соотнесением «своего» и «чужого». Общая часть двух языков играет роль посредника, занимая собственно промежуточное положение между ядрами ИЯ и ПЯ. Процесс развертывания диалога, расширяющего сознания переводчика и собеседников, сопровождается расширением общей части, вбирающей в себя новую информацию. *Адекватный* перевод иллюстрирует понятие «подлинного диалога», представляя собой вербализованный, то есть нашедший словесное выражение результат диалогического соотнесения вживания и объективации [1]. Если предоставленный самому себе диалог чреват срывом в технический обмен информацией либо в замаскированный под диалог монолог, то априорное преимущество перевода как «удвоенного диалога» состоит в том, что переводчик воплощает в себе возможность остраненного понимания позиций двух сторон. С его помощью убеждения собеседников, не отождествляясь, настолько познавательно соотносятся друг с другом, насколько расширилось сознание переводчика в диалоге между вживанием и объективацией. В свете теории познания перевод предстает активным процессом интерпретации события бытия – заинтересованным пониманием и ответственным поступком.

4. Мифология и История. Вживаться (*einfühlen*) в логику исторического события архаического человека побуждает изгоняющая его из мифологии необходимость, обрекающая на труд экзистенциального самообретения. Вживаться в мифологическое событие «безосновного» (*Ungründen*) исторического человека побуждает потребность онтологической самоидентификации. Возможность диалогического общения между мифологической и исторической ипостасями индивида реали-

зуется в «вечных» образах Дон Кихота и Фауста. Дон Кихот — продукт мифологического сознания, объективированного исторически, Фауст — порождение исторического сознания, объективированного мифологически.

Если Дон Кихот трансполирует «золотой век» в прошлое, а гётевский Фауст — в будущее, то Робинзон Крузо Д. Дефо предстает историко-мифологическим и мифолого-историческим посредником между ними. Робинзона сближает с Дон Кихотом мифологическая приверженность социокультурному архетипу, который он преднаходит и исповедует в качестве безусловной общественной нормы. Вместе с тем одинокий Робинзон предвосхищает гётевского Фауста, действуя на свой страх и риск как становящийся герой литературы Нового времени. Робинзон Дефо — посредник между мифологией и историей, Дон Кихотом и Фаустом. Он мифологизирует свое жизнестроительство и историзирует — воплощает миф о вечном становлении.

5. Эдип и Орест. Архетипы Эдипа и Ореста определяют посредническое положение бесосновного индивида между мифологией и историей. Миф об Оресте (матереубийце) реализует этическое должностное историческое императива. Миф об Эдипе (отцеубийце) — вторжение регрессивно-иррационального в эволюционные проекты.

Образ Ореста ассоциируется с культурой, образ Эдипа — с природой. Орест — порождение аполлонического начала, Эдип — дионисийского. Судьба Ореста — конструировать гносеологические модели. Судьба Эдипа — претерпевать психические конфликты, бушующие в недрах «Id». Орест — эволюционен, Эдип — инволюционен. Орест — этичен, Эдип — эстетичен. Экстравертный Орест «разбрасывает камни», интровертный Эдип «собирает» их. Под знаком экстравертной устремленности в будущее воплощают свои чаяния «эволюционные» эпохи культуры. Под знаком интровертной регрессии в прошлое «претерпеваются» эпохи безвременья, кризисов и перерождений.

6. Традиция и новаторство. Эпохи «золотого века» возникают благодаря занимаемому ими промежуточному положению между традицией и новаторством. Италия вступила в свой золотой век в эпоху Возрождения, став активной участницей встречи Средневековья с Античностью — встречи, наметившей радикальные перемены в культуре Нового времени. Испанское барокко повлияло на все европейское искусство, отразив драматические обстоятельства перехода от Возрождения к Классицизму. В промежуточном положении между культуранизмом барокко и концептизмом Просвещения оказалась Франция, обозначив нормативные для всей Европы контуры рационализма,

классицизма и абсолютизма. Английское просвещение, немецкий романтизм, русский классический реализм XIX века, североамериканский, а затем и латиноамериканский романы XX века предстали общекультурными явлениями, воплотившими поиски условий возможности самоактуализации метафизического субъекта истории. Современная литература привлекает внимание творчеством «миграционных писателей», в произведениях которых находят словесное выражение немислимые прежде «гибридные» формы художественного сознания.

Золотой век русской литературы, претворив в эстетическую реальность *диалогические* отношения между автором и героем, обозначил гуманистическую перспективу положительного выхода из тупика альтернативно-монологических субъектно-объектных отношений. Люди тянутся к языку и культуре той страны, которая своими жизненными достижениями намечает пути, ведущие к пробуждению их «самости» — личностному становлению. Положительное решение вопроса о сохранении русского языка как средства межнационального общения в странах СНГ и Балтии, а также в «мультимедийном» пространстве XXI века обусловлено способностью русскоязычной многонациональной культуры облечь общечеловеческое содержание в адекватные ему диалогические формы.

Список литературы

1. Бондарев А. П. Уровни переводческой компетенции: Семантика. Синтаксис. Прагматика. Функциональность. Диалог // Тетради переводчика. МГЛУ. 2007. Вып. 26.
2. Бубер М. Диалог // Два образа веры. М., 1999.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
4. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1.
5. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977.
6. Элиот Т. С. Назначение критики // Элиот Т. С. Назначение поэзии. Киев, 1997.
7. Dilthey W. Selected Writings. L., 1976.